

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Л. В. Зубова

*Санкт-Петербургский гос. университет
(Россия, Санкт-Петербург)
l-zubova@yandex.ru*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕДЕРИВАЦИЯ СЛОВА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

В статье на материале современной русской поэзии (начиная со второй половины XX века) рассматривается употребление слов в тех первичных (или близких к ним) значениях, которые в результате языковой эволюции были вытеснены переносными. Семантическая редеривация (реконструкция, архаизация) слов осуществляется при нарушении их нормативной референции и синтагматики. Реконструированные слова являются одновременно и авторскими семантическими неологизмами, и семантическими архаизмами. Этимологически первичное значение глаголов и отглагольных существительных обнаруживается при их перемещении из сферы ментальных действий и состояний в сферу физической деятельности. У фразеологически связанных и денотативно ограниченных слов восстанавливается их исходное широкое значение. При этом в некоторых контекстах обнаруживаются синестезия и энантиосемия. Авторское изменение семантики слов может влиять на их грамматическую принадлежность: качественным прилагательным и наречиям возвращается статус относительных, прилагательные, восходящие к причастиям, вновь становятся причастиями. Семантическая редеривация слов иногда сопровождается устранением стилистического ограничения на их употребление. Реконструированные слова могут не совпадать с реально существовавшими, но во всех случаях они указывают ретроспективное направление семантических преобразований как сильного выразительного средства. Важно, что при восприятии словоупотребления, актуализирующего внутреннюю форму слов, исходным знанием читателя является современное производное лексическое значение, следовательно, оно неизбежно включается в смысл поэтически преобразованной лексики, побуждая читателя к языковой рефлексии.

Ключевые слова: лексика, семантика, словообразование, редеривация, семантические архаизмы, современная русская поэзия.

Известно, что в истории языка исходные прямые значения слов нередко полностью вытеснялось переносными: «Переносное употребление слова, ведущее

к закреплению у данного слова нового значения, может явиться источником новой языковой метафоры, в том числе, при забвении или частичном вытеснении первоначального прямого значения, источником обратной метафоры, как бы возвращающей слово к его прежнему (или близкому) значению» [Шмелев 1977: 110].

С. Б. Козинец приводит немало примеров утраты первичных значений слов: *любочник*, *пресытиться*, *поветрие*, *пылкий*, *веский*, *непотребный* и др. [Козинец 2009].

Многие современные поэты реставрируют утраченное прямое значение слов при нарушении нормативной референции и синтагматики. В таких случаях можно говорить о семантической редеривации или реконструкции, то есть об обратном лексико-семантическом словообразовании. Реконструированные слова могут не совпадать с реально существовавшими, но во всех случаях они указывают ретроспективное направление семантических преобразований как сильного выразительного средства.

В статье рассматриваются контексты из русской поэзии от середины XX в. до нашего времени.

Этимологически первичное значение глаголов и отглагольных существительных обнаруживается при их перемещении из сферы ментальных действий и состояний в сферу физической деятельности или физического состояния: *Когда смутятся очертанья ближайших пригородных зон, / усталый ум, едва читая, / уйдёт за тонкий горизонт / строки — и тут от поворота / тропинка поведёт в овраг, / отрава белая — атропа / раскинет в дебре аромат...* [Байтов 1997: 11]; *Рыба не человек, / но смертью они похожи <...> И лежит она плоская, не дыша, / распутивши жабры, глаза смутивши, / и улитки медленно к ней спешат* [Делаланд 2009: 115]. Исходное значение слов *смутить*, *смутиться* являются не совсем забытыми. Например, в поэзии Пушкина есть такое их употребление: *Вдруг ветер дунул, загашая / Огонь светильников ночных; / Смутилась шайка домовых* («Евгений Онегин»); *А Балда наделал такого шуму, / Что все море смутилось / И волнами так и расходилось* («Сказка о попе и о работнике его Балде»).

Слово *унизить* приобретает у Марии Степановой значение ‘уменьшить, глядя сверху вниз сощурившись, как бы через перевернутую подзорную трубу’: *Балкон при мне как садик мелкий / С целебной травкою прищепок, / С вареньем, тазом и бельем. / В его ущелье мы вдвоем / Среди подветренных рубах. / Раздвинуть их и зренье сузить, / Чтобы — подзорная труба: / Тебя увидеть и унизить* [Степанова 2017: 11]. Здесь преобразована и словоформа *подветренных* (в нормативном языке говорят только о *подветренной стороне*).

Слово *огорченный* Степанова образно мотивирует горечью лекарства: *Как рыхлую грядку, вздымая кровать, / Огромным початком сырым и бессонным, / В горячей перчатке лежать-упревать / С целебной таблеткой во рту огорченном* [Степанова 2017: 18].

У Александра Месропяна слово *снисхождение* получает значение существительного, образованного непосредственно от глагола движения: *лицу по мере пробужденья / все мудреней хотя мудрёней / ночного снега снисхождение* [Месропян 1998: 22].

Анри Волохонский устраняет из глагола *маяться* показатель возвратности, в результате получается глагол движения (ср. существительное *маятник*): *Надтреснутым копытом / Олени чеирут мягкое подбрюшьё / И мает шеей пьющая лиса / То поднимая стреловидный факел головы / То глядя в сторону* [Волохонский 2012: 73].

Впрочем, и без устранения постфикса *-ся* глагол *маяться* принимает первичное значение ‘двигаться из стороны в сторону, качаться’: *Я иду, как отцы в песках, / по груди голова-буддизм / ма-ется, да на цыпочках, / волк-Раскольников, не будить, / шаг да шаг, да в сердцах ать-два, / сумрак в окнах как нос в очках, / и куда мне свой вой девать, / нож ли? Ждёшь ли мя, Со-нечка* [Иконников-Галицкий 1995: 28].

У фразеологически связанных и денотативно ограниченных слов восстанавливается их исходное широкое значение. Так, в стихотворении Александра Левина «Катание на лыжах» глагол *бодать* приобретает забытое значение ‘прокалывать, пронзать’, это широкое значение сохранилось только в медицинском термине *прободение*: *Бодает накрепённый снег / упорный лыжный человек, / влезает на тугой бугор, / вдыхает через нос простор* [Левин 1995: 117]¹.

Глагол *кивать* в нормативном русском языке имеет узкое значение ‘наклонять голову, обычно в знак согласия или приветствия’, в поэтических текстах кивают не только головой: *Мы стоим, прижимаясь и друг на друга кивая носами, / у кого кошелка на шее, у кого братан в Новоржеве. / Бьется в витрине курица с синими и кривыми ногтями, / Выползет счас, закричит, но никто ее тут не услышит. // И, лежа спокойно, она из витрины кивает мне глазом, / Мол, постой, не спеши, еще купишь сметаны и разного хлеба* [Кучерявкин 1994: 10]; *Когда ворона, пролетая надо мной, / Разинет толстый рот и что-то важно скажет / И дальше кинется, задумавшись, проворная / И, размечтавшись, воспарит над крышей, // Мне видится прекрасный темный глаз / В том крике, в том молчании и взлете. / Глядит он, ласково кивая мне рукой, / И бровь величественно темную вздымает* [Кучерявкин 1993: 26]; *Толстуха сидит над ручьем, / Молодыми ногами суча, / Сияя крахмальным бельем, / Разогретым кивая плечом, / Ждет королевича* [Степанова 2017: 20]².

На нормативную фразеологичность лексического значения (то есть ограниченность и условность предметной отнесенности) указывает такой текст, в котором словами *колосья* и *початки* названы не те предметы, которые принято называть в общепотребительном литературном языке: *Колосья кукуруз / Початки огурцов / Детей моих улус / Страна моих отцов* [Волохонский 2012: 437]. Тем самым значение слов тоже расширяется.

Устранение стилистического ограничения в совокупности с референциальным тоже способствует семантической реставрации слова: *Медвежий комарик, щенок муравей, / извольте заслушаться сами, / как он расплескался в древесной траве, / веселыми рея ногами* [Поляков 2000: 31].

¹ Анализ этого фрагмента содержится в книге [Зубова 2010: 301].

² Словарь XI–XVII вв. приводит пословицу: *Кому перстом киваютъ, а намъ глазомъ мигають* [Словарь XI–XVII вв. 1980: 119].

При восстановлении широкого значения слов обнаруживаются синестезия: *Придет ко мне безумное дыханье / и кровь по жилам потечет бойчей, / бесплауное птичье щebetанье / услышу оглушительно ярчей* [Бауэр 2000: 16]; *И, главное, вокруг такая жизнь, / что взгляд любой / и каждая улыбка, обрывок фразы, разговор простой, / наш общий морок в мареве и гуле / звучат так ярко, словно кислотой / среди бела дня в лицо тебе плеснули* [Гуголев — электронный ресурс]. Слова *яркий, ярко* в древности были связаны не только со зрительным впечатлением, они обозначали любое интенсивное проявление качества ср. слова *ярый, ярость, разъяриться* [Ларин 1977: 89–100]³.

В следующих строчках Марии Степановой проявляется энантиосемия слова *непотребный*, показывающая производность современного значения ‘непристойный, развратный’ от значения ‘ненужный, непригодный’ (такая энантиосемия есть в современном слове *негодный*): *Принесите горы полотенце! / Вот сейчас себя из ванны выну, / И, как новорожденный младенец, / Буду непотребна и невинна* [Степанова 2017: 14].

У Екатерины Боярских словоформа *сбылось* (имеющая в современном языке значение ‘осуществилось’) приобретает значение ‘прекратило быть’: *Утром бессонным / я сбывлась, забылась / и стала взглядом. / Окно сбилось, разбилось / и стало звоном* [Боярских 2016: 11]. В этом случае энантиосемия основана на многозначности приставки *с-*, формирующей у глаголов противоположные значения ‘создать что-л.’ и ‘уничтожить что-л.’ ср.: *склеить* и *стереть, срубить* *избу* и *срубить* *дерево*. Есть в русском языке и невозвратный глагол *сбыть* что-л. (перех.) — [‘продать что-л.’], [‘избавиться от чего-л.’] и (неперех.) [‘пойти на убыль’ (*вода сбыва*)].

В современной поэзии часто встречается этимологическая регенерация прилагательных их деметафоризацией. Надя Делаланд перемещает слово *пылкий* из лексико-семантической группы «свойство человека»⁴ в группу «свойство предмета»: *Пылкий фонарь из тьмы / шею тянул и гнул, / думал, что он тюльпан, / ты мне его дарил, думал: «тюльпан, фонарь, зонтик, очки, трюмо, / разве не все равно...»* [Делаланд 2005: 117]. Поэты актуализируют внутреннюю форму слова *чреватый*: *Как будто толпы муравьев / Бегут за ветошкой косматой / Тысяченожками народ / Ползет за тучею чреватой* [Шварц 1996: 103]. В этом контексте туча изображена и похожей на большой живот, и способной доставить неприятности. У Владимира Строчкова в атрибутивно-субстантивном сочетании с однородными определениями парадоксальным образом сталкиваются вторичное фигуральное значение слова *дородный* и первичное прямое значение слова *чреватый*: *Священник — дородный, чреватый брюнет / с короткой бородкой, / в очках, паричке* [Строчков — электронный ресурс].

³ Ср. у Пушкина: *А ночью слышать буду я / Не голос яркий соловья, / Не шум глухой дубров / А крик товарищей моих / Да брань смотрителей ночных, / Да визг, да звон оков* («Не дай мне бог сойти с ума...»).

⁴ Пылкими могут быть названы и результаты деятельности человека: *пылкие речи, пылкие взгляды*.

Слово *наглядный* в общеупотребительном языке фразеологически связано: оно встречается в сочетаниях *наглядный пример*, *наглядная информация*, *наглядное пособие* и входит в состав слова *ненаглядный*. Мария Степанова называет *наглядными* глаза: *Кто этот падший спать, постлав постель на нефти, / Два стеклышка свои наглядные смежив, / И, предположим, брит и в арестантском клифте? // И этот, севиший съест еду, какую жив, / Картошки молодой ползвода, предположим, / В мундирах рядовых на дедовский пошив?* [Степанова 2017: 77]. Поскольку речь идет о мертвце, слово *стеклышки* не может означать ‘очки’, тем более что употреблено деепричастие *смежив*, а так говорят именно о глазах. Преобразование *ненаглядные* → *наглядные*, возможно, сообщает о том, что глазам свойственно *наглядеться* и больше не *глядеть*.

Семантическая редеривация может влиять на грамматическую принадлежность слов. Качественным прилагательным возвращается статус относительных. Например, у Алексея Корецкого *тучным* названо небо в тучах, словоформа *устного* у Андрея Полякова и Игоря Булатовского непосредственно связана со словом *уста*: *Тучное небо / это тучное небо за мной. / Звёздочка там — злата нетля / имени Зондберг* [Корецкий 1999: 36]; *пробую эхо себя: темножужжание слов, / устного мёда капель, Ермия крылья-трещотки...* [Поляков 2003: 55]; *и вытащить лапки птичка уже не может, / и замерзает, и в горле вступает кость, / поляя зазубренная свистулька, / манок, вызубренный наизусть, // устного воздуха сужающаяся втулка* [Булатовский 2013: 28]. Обратим внимание на этимологические повторы в последнем из этих текстов: *зазубренная — вызубренные, наизусть — устного*.

Вера Павлова возвращает первичное телесное значение наречию *устно*: *Читая вслух. / Целоваться устно. / Читать лопух / Мужем капусты* [Павлова 2004: 335].

Прилагательное *перфектного* происхождения, употребление которого выходит за рамки современного синтагматического и референциального ограничения, вновь приближается к причастию: *Валяй, гитарист, / без унынья и фальши / бывалые вспомним слова* [Кенжеев 1992: 73].

Первичные значения слов совмещаются или сопоставляются со вторичными⁵. В стихотворении Льва Лосева, озаглавленном словами «Без названия», современное значение слова *стесняться* ‘испытывать неловкость’ совмещено с архаическим значением ‘тесно соприкасаться’⁶. Это стихотворение явилось реакцией на переименование Ленинграда в Петербург, когда еще трудно было привыкнуть к возвращенному наименованию города: *Родной мой город безымян, / всегда висит над ним туман / в цвет молока снятого. / Назвать стесняются уста / трижды предавшего Христа / И все-таки святого* [Лосев 2012: 351]. В этом контексте вместе с психологической коллизией показано и образное описание артикуляции

⁵ Выше уже был приведен пример с словами *за тучею чреватой*.

⁶ Ср.: *Чем чаще празднует лицей / Свою святую годовщину, / Тем робче старый круг друзей / В семью стесняется едину* (А. С. Пушкин. «Чем чаще празднует лицей...»).

звука [п'] в слове *Петербург* — звука, образуемого тесным смыканием губ.⁷ У того же автора слово *кромеиный*, восстанавливая исходное значение ‘внешний, отделенный, находящийся за пределами чего-л’ (ср. слова *кромка*, *кроме*, *кромсать*), не утрачивает и фразеологически связанного значения ‘темный, мрачный’ из сочетания *тьма кромеиная*: *А в будущее слов полезешь за добычей, / лишь приоткроешь дверь, как из грядущей тьмы / кромеиный рвется рев густой, коровий, бычий / из вымени, мудей, из глыбы слова «мы»* [Лосев 2012: 427]. На значения ‘внешний’ и ‘мрачный’ накладывается еще и значение интенсивности. А так как сочетание *тьма кромеиная* производно от церковнославянского фразеологизма *ад кромеиный*, к указанным значениям прибавляется и значение ‘страшный’.

Анри Волохонский употребляет глагол *прозябать* и в первичном значении ‘расти, произрастать’, и во вторичном ‘мерзнуть, замерзать’⁸: *Передо мной в пустынной Араве Деревья чахлые стоят на голове / Еще зима и прозябают травы / Кой-где сквозь камешки просовывая главы* [Волохонский 2012: 507]. Значение ‘мерзнуть’ контекстуально связано со словами *еще зима*, а значение ‘расти’ со фрагментом *Кой-где сквозь камешки просовывая главы*. В русской литературе хорошо известна басня Козьмы Пруткова⁹ «Помещик и садовник» с каламбурным обыгрыванием этих значений.

Ольга Аникина словоформой *уклончивую* описывает начертание буквы: *Сухая хвоя под большой сосной / четыре знака пишет на земле: / знак «большие», «меньшие», / римскую пятёрку / и лёгкую, уклончивую «эл» <...> Я становлюсь значками на земле. / Раздвоенная стрелка уголком / случайное укажет направление. / Нечёткий*

⁷ Подробнее об этом стихотворении см. [Зубова 2010: 17].

⁸ Сейчас глаголы *прозябать* ‘расти’ (арх.) → ‘влачить жалкое существование’ ср.: *превратиться в растение*, и *прозябать* ‘замерзать’ (в современном языке не употребляется) воспринимаются как омонимы, однако у этих слов, возможно, есть этимологическая общность: «Зябнуть. Общеслав. суф. производное от *zǣbati (ср. прозябать, диал. зябти), той же основы (с перега-совкой о/е), что и зуб. Исходное значение “расти, произрастать”, затем — “мерзнуть” [Фасмер 1986: 111]. В книге В. В. Виноградова «История слов» с большой статьей об этих словах содержится такой фрагмент: «Фр. Миклошич в своем “Этимологическом словаре” и И. А. Бодуэн де Куртене в “Лингвистических заметках и афоризмах” пытались найти в этих словах общий корень. Корень *zǣb — zǣb..., по словам проф. Бодуэна де Куртене, “ассоциируется со значениями: “столбенеть”, “коченеть”, “застывать”, “зябнуть” и т. п.; “кол”, “столб”, “гвоздь”, “зуб”, “гребень” и т. п. Зяб- в глагольном смысле значит тоже, с одной стороны, «выходить из земли колом, ростком, зародышем», “рости, подымаясь прямо вверх” и т. д. (*зяб-ать*), с другой же стороны, “коченеть от холода”, *зябнуть* (ЖМНП, 1903, май, с. 23). Но взгляд Миклошича и Бодуэна не разделяется большинством лингвистов» [Виноградов 1999: 571]. О. Н. Трубачев считал значение ‘мерзнуть’ производным от значения ‘расти’, объясняя мотивацию переноса иначе: «Было бы неправильно разбивать это единое этимологическое слово на два омонима, что чувствовал уже Миклошич. Искусственный характер поисков для *зябнуть* “мерзнуть” “своей” этимологии очевиден. Вторичный перенос значений (“мерзнуть”) либо аналогичен переносу в случае с *знобить*, либо объясняется абстракцией от конкретного значения, связанного с земледелием: вспашка, посев в начале холодной поры, прорастание в холодную пору, “мерзнуть вообще» [Трубачев 1957: 89–90].

⁹ Коллективный псевдоним А.К. Толстого, Алексея, Владимира и Александра Жемчужниковых.

итрих на глиняной табличке / и так и этак можно трактовать. / Любовь моя и ярость, гнев и страх, // сухие серо-жёлтые иголки, / не больше и не меньше [Аникина 2020]. Здесь названо и другое свойство буквы: легкая¹⁰. Уклончивость и легкость в совокупности соответствуют устаревшему значению слова *уклончивый* применительно к человеку — ‘мягкий, уступчивый, никому не противоречащий’ [Ушаков 1940: стб. 918]. После фрагмента *Я становлюсь значками на земле* тема уклончивости продолжается в соответствии с современным значением *уклончивый* — ‘избегающий ясного ответа на вопрос или просьбу’. Это значение обнаруживается в словах *и так и этак можно трактовать*. Далее любовь и ярость, гнев и страх, продолжая образ раздвоенности, оказываются не противопоставленными, а объединенными состояниями и эмоциями. Слова *сухие серо-жёлтые иголки* как метафора этих эмоций и состояний, с одной стороны, говорят об их обесцененности, а с другой — о том, что они всё же значимы — *не больше и не меньше*.

Все примеры, приведенные в этой статье, показывают, что поэтическое преобразование слова с актуализацией чувственности его внутренней формы происходит через попытки того воскрешения первоначальной семантики, о котором мечтали поэты и филологи в начале XX в: «Задача футуризма — воскрешение вещей — возвращение человеку переживания мира» [Шкловский 1990: 36].

Существенно, что при восприятии подобного деформированного словоупотребления исходным знанием читателя является современное значение, следовательно, оно неизбежно включается в смысл поэтически преобразованной лексики, создавая условия для языковой рефлексии читателя.

Литература

Аникина О. Иголки [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-3488656_218435?ysclid.

Байтов Н. Чтобы не быть голословным. М.: Московский гос. музей Вадима Сидура, 1997. 16 с.

Бауэр В. Начало охотничьего сезона; Кротов А. Время убийц. СПб.: АОЗТ «Журнал “Звезда”», 2000. 136 с.

Боярских Е. Народные песни дождевых червей. N. Y.: Ailuros Publishing, 2016. 73 с.

Булатовский И. Ласточки наконец. N. Y.: Ailuros Publishing, 2013. 103 с.

Виноградов В. В. История слов. Отв. редактор Н. Ю. Шведова. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1999. 1138 с.

Волохонский А. Собрание произведений: В 3 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 616 с.

¹⁰ В «Слове о Эль» В. Хлебникова есть такие строки: Когда мы **легки**, мы летим. / Когда с людьми мы, люди, **легки**, — / Любим. Любимые — людимы. / Эль — это **легкие** Лели, / Эль — это луч весовой, / Воткнутый в площадь ладьи / Точек возвышенный ливень. Фонетическое значение звука [л], по А. П. Журавлеву, «хороший», «маленький», «нежный», «женственный», «светлый», «красивый», «гладкий», «веселый», «безопасный», «яркий», «округлый», «радостный», «добрый» [Журавлев 1974: 48].

- Гуголев Ю. И главное, черёмуха кругом... [Электронный ресурс]. URL: https://ru.telegram-store.com/catalog/channels/svetova_zoia/358 (дата обращения: 10.09.2022)
- Делаланд Н. На правах рукописи. Киев: Росмэн, 2009. 336 с.
- Делаланд Н. Эрос, танатос, логос. М.: ОГИ, 2005. 224 с.
- Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. 159 с.
- Зубова Л. Языки современной поэзии. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 384 с.
- Иконников-Галицкий А. "АГГЕЛОС. СПб.: Акрополь, 1995. 56 с.
- Кенжеев Б. Стихотворения последних лет. [Б. м.]; [Б. и.], 1992. 88 с.
- Козинец С. Б. Утрата первичного значения производного слова как фактор развития словообразовательных метафор // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика, 2009. Т. 9. № 1. С. 18–27.
- Корецкий А. Стихи. М.: Автохтон, 1999. 82 с.
- Кучерявкин В. Танец мертвой ноги. СПб.: Митин журнал, 1994. 48 с.
- Кучерявкин В. Когда ворона, пролетая надо мной... СПб.: Митин журнал. 1993. № 50. С. 26.
- Ларин Б. А. Об архаике в семантической структуре слова (*яр юр буй*) // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М.: Просвещение, 1977. С. 89–100.
- Левин А. Биомеханика. М.: [Б. и.], 1995. 96 с.
- Лосев Л. Стихи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. 600 с.
- Месропян А. Пространство Эроса: Книга стихотворений. Ростов-на-Дону: ИЦ «Булат», 1998. 64 с.
- Павлова В. Совершеннолетие: Избранные стихи 1983–2001 гг. М.: ОГИ, 2004. 348 с.
- Поляков А. Для тех, кто спит. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 136 с.
- Поляков А. Орфографический минимум. СПб.: Пушкинский фонд, 2000. 64 с.
- Словарь XI–XVII вв. Вып. 7. М.: Наука, 1980. 403 с.
- Степанова М. Против лирики. Стихи 1995–2015. М.: АСТ, 2017. 448 с.
- Строчков В. Памяти Андрея Сергеева [Электронный ресурс]. URL: http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/STROCHKOV/Strochkov_98.htm (дата обращения: 08.09.2022)
- Трубачев О. Н. К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 86–95.
- Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. 1502 стб.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. 672 с.
- Шварц Е. *Mundus Imaginalis*: Книга ответвлений. СПб.: ЭЗРО, Литературное общество «Утконос», 1996. 112 с.
- Шкловский В. Б. Воскрешение слова // Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи, воспоминания, эссе: 1914–1933. М.: Советский писатель, 1990. С. 36–41.
- Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.

L. V. Zubova
St. Petersburg State University
(Russia, Saint-Petersburg)
l-zubova@yandex.ru

SEMANTIC REDERIVATION OF THE WORD IN MODERN POETRY

The article examines the use of words in those primary meanings (or close to them), that were replaced by figurative meanings as a result of linguistic evolution. The research is based on the material of modern Russian poetry (since the second half of the 20th century). Semantic rederivation (reconstruction, archaization) of words is carried out in violation of their normative reference and syntagmatics. The reconstructed words are simultaneously the author's semantic neologisms and semantic archaisms. Etymologically, the primary meaning of verbs and verbal nouns is revealed when they move from the sphere of mental actions and states to the sphere of physical activity. Phraseologically related and denotatively limited words restore their original broad meaning. At the same time, synesthesia and enantiosemy are found in some contexts. The author's change in the semantics of words can affect their grammatical affiliation: qualitative adjectives and adverbs return the status of relative ones, adjectives ascending to participles become participles again. Semantic reinterpretation of words is sometimes accompanied by the removal of stylistic restrictions on their use. The reconstructed words may not coincide with those that actually existed, but in all cases they point to the retrospective direction of semantic transformation as a strong expressive means. It is important that when perceiving word usage that actualizes the internal form of words, the reader's initial knowledge is a modern derived lexical meaning, therefore, it is inevitably included in the meaning of the poetically transformed vocabulary, prompting the reader to linguistic reflection.

Key words: vocabulary, semantics, word formation, rederivation, semantic archaisms, modern Russian poetry.

References

- Anikina O. *Igolki*. [Needles]. Available at: https://vk.com/wall-3488656_218435?ysclid (accessed 02.09.2022)
- Baitov N. *Chtoby ne byt' goslovnym* [In order not to be unfounded]. Moscow, Moscow State University, Vadim Sidur Museum Publ., 1997. 16 p.
- Bauer V. *Nachalo okhotnich'ego sezona* [The beginning of the hunting season]; Krotov A. *Vremya ubiits* [The time of the killers]. St. Petersburg, Magazine "Zvezda" Publ., 2000. 136 p.
- Boyarskikh E. *Narodnye pesni dozhdevykh chervei* [Folk songs of earthworms]. New York, Ailuros Publ., 2016. 73 p.
- Bulatovskii I. *Lastochki nakonets* [Swallows at last]. New York, Ailuros Publ., 2013. 103 p.

Delaland N. *Eros, tanatos, logos* [Eros, thanatos, logos]. Moscow, OGI Publ., 2005. 224 p.

Delaland N. *Na pravakh rukopisi* [On the rights of the manuscript]. Kiev, Rosmen Publ., 2009. 336 p.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 2* [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vols. Vol. 2. Translation from German and additions by O. N. Trubachev]. Moscow, Progress Publ., 1986. 672 p.

Gugolev Yu. *I glavnoe, cheremukha krugom...* [And most importantly, the bird cherry is all around ...]. Available at: https://ru.telegram-store.com/catalog/channels/svetova_zoia/358 (accessed: 10.09.2022)

Ikkonnikov-Galitskii A. *'ΑΓΓΕΛΟΣ* [*'ΑΓΓΕΛΟΣ*]. St. Petersburg, Akropol' Publ., 1995. 56 p.

Kenzheev B. *Stikhotvoreniya poslednikh let* [Poems of recent years]. 1992. 88 p.

Koretskii A. *Stikhi* [Poems]. Moscow, Avtokhton Publ., 1999. 82 p.

Kozinets S. B. [The loss of the primary meaning of a derived word as a factor in the development of word-formation metaphors]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*, 2009, vol. 9, no. 1, pp. 18–27. (In Russ.)

Kucheryavkin V. [When a crow flying over me]. *Mitin zhurnal*, 1993, no. 50, p. 26. (In Russ.)

Kucheryavkin V. *Tanets mertvoi nogi* [Dance of the dead leg]. St. Petersburg, Mitin Zhurnal Publ., 1994. 48 p.

Larin B. A. [About archaic features in the semantic structure of the word (yar yur bui)]. Larin B. A. *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie (Izbrannye raboty)* [History of the Russian language and general linguistics (Selected works)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977, pp. 89–100. (In Russ.)

Levin A. *Biomekhanika* [Biomechanics]. Moscow, 1995. 96 p.

Losev L. *Stikhi* [Poems]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2012. 600 p.)

Mesropyan A. *Prostranstvo Erosa: Kniga stikhotvoreniy* [The space of Eros: A book of poems]. Rostov-on-Don, Bulat Publishing House, 1998. 64 p.

Pavlova V. *Sovershennoletie: Izbrannye stikhi 1983–2001 gg.* [Coming of age: Selected poems of 1983–2001]. Moscow, OGI Publ., 2004. 348 p.

Polyakov A. *Dlya tekh, kto spit* [For those who are sleeping]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2003. 136 p.

Polyakov A. *Orfograficheskii minimum* [Spelling minimum]. St. Petersburg, Pushkinskii Fond Publ., 2000. 64 p.

Shklovskii V. B. [The resurrection of the word]. Shklovskii V. B. *Gamburgskii schet: Stat'i, vospominaniya, esse: 1914–1933* [Hamburg reckoning: Articles, memoirs, essays]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1990, pp. 36–41. (In Russ.)

Shmelev D. N. *Sovremennyyi russkii yazyk. Leksika* [Modern Russian language. Vocabulary]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977. 335 p.

Shvarts E. *Mundus Imaginalis: Kniga otvetvlenii* [Mundus Imaginalis: The book of branches]. St. Petersburg, Literaturnoe Obshchestvo "Utkonos" Publ., 1996. 112 p.

Slovar' XI–XVII vv. Vyp. 7 [Dictionary of the XI–XVII centuries. Issue 7]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 403 p.

Stepanova M. *Protiv liriki. Stikhi 1995–2015* [Against lyrics. Poems of 1995–2015]. Moscow, AST Publ., 2017. 448 p.

Strochkov V. *Pamyati Andreya Sergeeva* [In memory of Andrey Sergeev]. Available at: http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/STROCHKOV/Strochkov_98.htm (accessed: 08.09.2022)

Trubachev O. N. [On the etymology of some of the oldest Slavic kinship terms]. *Voprosy jazykoznanija*, 1957, no. 2, pp. 86–95. (In Russ.)

Ushakov D. N. *Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 4 t. T 4* [A large explanatory dictionary of the modern Russian language: in 4 vols. Vol. 4]. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Inostrannykh i Natsional'nykh Slovarei Publ., 1940. 1502 columns.

Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [The history of words]. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute Publ., 1999. 1138 p.

Volokhonskii A. *Sobranie proizvedenii: In 3 v. Vol. 1* [Collection of works]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2012. 616 p.

Zhuravlev A. P. *Foneticheskoe znachenie* [Phonetic meaning]. Leningrad, Leningrad Univ. Publ., 1974. 159 p.

Zubova L. *Yazyki sovremennoi poezii* [Languages of modern poetry]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2010. 384 p.